

су», «Вальдшнепы» и др. Последняя крупная вещь — автобиографический роман «Юнкера» (вышел отд. изд. в Париже в 1933) — повествует о годах юности писателя, о той Москве конца минувшего века, которую он запомнил цепкой памятью художника. «Я хотел бы,— говорил К. во время работы над романом,— чтобы прошлое, которое ушло навсегда, наши училища, наши юнкеры, наша жизнь, обычаи, традиции остались хотя бы на бумаге и не исчезли не только из мира, но даже из памяти людей. „Юнкера“ — это мое завещание русской молодежи».

К. не покидала мысль о возвращении на родину. И последняя мечта его жизни сбылась. В мае 1937 писатель приехал в Москву, где был радушно встречен соотечественниками. Он был уже неизлечимо болен, и ему оставался лишь год с небольшим жизни.

Интерес к творчеству К. с годами не иссякает. «Почему он большой писатель? — говорил хорошо знавший К. Д. Н. Мамин-Сибиряк.— Да потому, что он живой... в каждой мелочи живой». И это верно. К. очень любил жизнь (он называл себя ее «благодарным обожателем, всепрощающим влюбленным, терпеливым, старым слугой»), любил сильных и красивых людей, любил риск, азарт, охоту, его влекло ко всему необычному, экзотическому. У него была способность глубоко впитывать в себя живой, природный мир. Дар художника-реалиста помогал ему ярко воплотить его в слова и образы. По словам В. Розанова, «его простой, не умничающий, а умный рассказ, его наблюдательность, его внимание и уважение к обыденному — все это соединяет его перо с большими старыми мастерами русского слова». Бунин отмечал, что лучшим рассказам К. присущи «свобода, сила, яркость повествований, меткий и без излишества щедрый язык» (Бунин И. СС: в 6 т. М., 1994. Т. 5. С. 451). Эти качества произведений К. обеспечили ему достойное место и имя в русской лит-ре.

Соч.: СС: в 6 т. М., 1957–58; СС: в 9 т. М., 1970–73; СС: в 5 т. М., 1982.

Лит.: Берков П. Александр Иванович Куприн. М., 1956; Афанасьев В. А. И. Куприн. М., 1960; Никулин Л. Чехов, Бунин, Куприн: Лит. портреты. М., 1960. С. 265–325; Волков А. Творчество А. И. Куприна. М., 1962; Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости. 2-е изд. М., 1966. (Лит. мемуары); Крутикова Л. В. А. И. Куприн. Л., 1971; Михайлов О. Н. Куприн. М., 1981. (ЖЗЛ); Кулешов Ф. Творческий путь А. И. Куприна. 2-е изд. Минск, 1983; Слово об Александре Куприне. Пенза, 1995.

В. Н. Быстров

В. Г. Куприянов

КУПРИЯНОВ Вячеслав Глебович [23.12.1939, Новосибирск] — поэт, переводчик, прозаик.

Родился в семье врачей, отец погиб на фронте в 1942. После окончания средней школы работал по комсомольской путевке на строительстве Новосибирского электротехнического ин-та. Поступил в Высшее военноморское училище инженеров оружия в Ленинграде (1958), где в качестве первого поэтического опыта сочинил не вполне печатную поэму «Василий Биркин», вошедшую в курсантский фольклор. В 1960 был демобилизован и поступил в Московский ин-т иностр. яз. на переводческий ф-т, отделение машинного перевода и математической лингвистики. В ин-те начал заниматься переводами, а также вопросами структурной поэтики, посещал семинары академика А. Н. Колмогорова, посвященные математическим исследованиям стиха. Знакомство с профессором Ю. В. Рождественским во многом определило филол. и лит. взгляды К. Вместе с поэтом и переводчиком испанской поэзии П. Корневским организовал в ин-те лит. объединение «Фотон». Первые стих. опубликовал в институтской многотиражке «Советский студент» в 1961. В 1962 публикует стихи в «Московской правде», а в 1965 в ж. «Москва» (№ 12).

По окончании ин-та вступил в Профком литераторов при изд-ве «Худож. лит-ра», переводил поэзию с немецкого, английского, французского и испанского яз. Среди пере-

веденных им поэтов О. Вацетис, И. Зиедонис, Я. Петерс (Латвия); В. Каралюс (Литва); В. Беэкман, А. Сийг (Эстония); П. Севак, А. Граши, А. Авакян, Ю. Саакян, Г. Эдоян (Армения).

Своими учителями К. считает Мих. Зенкевича, А. Тарковского, Арк. Штейнберга. В 1976 был принят в СП в секцию худож. перевода по рекомендации Л. Гинзбург, Р. Казаковой и Евг. Осетрова. В 1980-е руководил лит. объединением «Алые паруса» при Всесоюзной юношеской библиотеке (отстранен от работы за публичные чтения стих. Марины Цветаевой) и читал лекции о поэтике в Доме ученых в Дубне.

Разрабатывая совр. русский свободный стих (верлибр), К. вместе с В. Буричем и А. Метсом оказался первопроходцем этого направления (см.: **Бурич дикорастущий** // Арион. М., 1998. № 3. С. 65–67). Первая статья К. на эту тему — «**Предпосылки и перспективы**» была опубликована в ж. «Вопр. лит-ры» (1972, № 2). К. определял свободный стих как особый вид лит-ры, «симметричный прозе относительно поэзии». Истоки верлибра он находил в кондакарном стихе, в отеческой литургической гимнографии (Псалтырь). Эту точку зрения он отстаивал в 1980-е на ежегодных январских стиховедческих конференциях в ИМЛИ им. Горького. Критика не сразу признала как его теорию, так и практику. Взгляд на верлибр как на полноправный (третий) вид лит-ры закреплен в труде академика Ю. В. Рождественского «Теория риторики» (М., 1997).

Первый сб. стих. К. «**От первого лица**» вышел в 1981, второй, «**Жизнь идет**», — в 1982, став одной из первых книг верлибров на русском яз. в послевоенное время. Критики уже тогда определили творчество К. как поэзию мысли: «Сила и обаяние поэзии Куприянова — в мысли, опосредованной глубоко личностным, чувственным восприятием мира» (Сенкевич А. // Лит. обозрение. 1982. № 5); «стихи Куприянова — трезвое эхо на лирический вздох эпохи» (Липневич В. // Лит. Россия. 1983. 23 дек). Литературовед Г. Филиппов приписал его к линии «парадоксального интеллектуализма» (Филиппов Г. О совр. философской поэзии. М., 1982) и, как заметил поэт Гр. Поженян в «Московском комсомольце» (1986. 25 апр.): «Стихи Куприянова — интересный синтез лирики и философии». Немецкая критика позже отмечала: «Поэзия Куприянова... ведет к раздумью и сочувствию при помощи речевого и мысленного эксперимента. Ее кажущаяся абстрактность оказывается, если внима-

тельно посмотреть, гораздо более актуальной, нежели в ином захватывающем агитационном стихотворении» (Лауэр Р. // Франкфуртер Альгемайне Цайтунг. 1990. 21 апр.). Вот пример краткого верлибра К. из книги «**Домашние задания**» (1986), которую читатели газ. «Книжное обозрение» (1987. № 5. 30 янв.) назвали в числе лучших книг года наряду с прозой Ч. Айтматова, В. Астафьева и В. Пикуля: «Эпидемия свободы: / самые опасные / бациллоносители / люди / переболевшие / любовью».

«„Сердечное умозрение“, желание „туда“, „космогонические идеи“ не отвлекают Куприянова от того, что происходит в реальной жизни. Он романтик по складу поэтического восприятия. Романтизм по сути своей требователен к действительности. Он мерит ее большими масштабами, нередко жесток и ироничен, унижая зло», — полагает А. Урбан (Лит. обозрение. 1987. № 9). О книге «**Эхо**» (1989) пишет критик В. Трефилов: «Сегодня, пожалуй, верлибр позволяет использовать наиболее полно и наиболее емко образы, о которых не могло быть и речи не так давно ввиду их физического отсутствия в природе. В. Куприянов развивает современный русский верлибр, делает его равноправным членом в сообществе современного стихосложения» (Москва. 1990. № 3). Выстраивая цепь афоризмов, К. создает парадоксальную картину, схватывающую суть течения жизни, как, например, в «**Уроке пения**»: «в клетках / поют крылатые / о свободе / полета / перед клетками / поют бескрылые / о справедливости / клеток».

Стихи К. (особенно верлибры) быстро завоевали признание за рубежом, появились их переводы на мн. европейские яз., а затем и на яз. Индии и Шри Ланки. Тем не менее академик Ю. В. Рождественский не без основания отмечал: «Творчество Вячеслава Куприянова слабо освещено нашей критикой в силу того, что критики XX века уделяют главное внимание не столько вопросам эстетики слова, сколько темам и проблемам, которые „поднимали“ те или иные авторы» (Независимая газ. 2000. 3 марта).

С середины 1970-х К. участвует во всемирных форумах поэзии в Варшаве (1975), Белграде (1983), Кембридже (1985), Гонезе (Италия, 1986), Мюнстере (Германия, 1987); Роттердаме (газ. «Роттердамс Ньюсблад» писала после его выступления 24 июня 1988: «Этот поэт сочетает заразительную веселость с глубокой серьезностью. Он одновременно музыкален и изобразителен. Кто слушает его стихи, подвергается искушению изучить рус-

ский язык»); неоднократно — в Македонии. В 1987 Лит. община города Вршац в Югославии присудила К. Европейскую лит. премию. В 1988 К. провел первый независимый фестиваль поэтов в Сибири (Ленинск-Кузнецкий). В 1989 участвовал в организации фестиваля поэзии в Калуге. В 1999 К. был вручен «Лит. жезл» — награда СП Македонии. В том же году после поездки по разрушенной Сербии он стал почетным членом СП Сербии.

Творческая судьба К. тесно связана с Германией. В 1976 он посетил ГДР (семинар молодой поэзии в г. Шверине), в 1984 — «Лит. коллоквиум» Западного Берлина, в 1986 стал стипендиатом Г. Мангейма (ФРГ). С 1985 его поэтические и прозаические книги регулярно выходят в Германии. С 1992 К. является членом Международной группы писателей в Регенсбурге. Его стихотворные сб. в переводе на немецкий яз. получили высокую оценку немецких критиков: в февр. 1997 его «**Луна железного времени**» на 1-м месте в «списке лучших книг Юго-Западного Радио», а сб. «**Телескоп времени**» на 1-м месте в нояб. 2003 (список определяют 35 ведущих немецкоязычных критиков).

К. постоянно переводил немецкоязычную поэзию для антологий. Среди авторов, переведенных К. с немецкого, — Клопшток, Гёльдерлин, Якоб Ленц, Новалис, Шамиссо, Брентано, Айхендорф, Рюккерт, фон Платен, Ницше, Моргенштерн, Стефан Георге, Гофмансталь, Р. М. Рильке, Б. Брехт, Герман Гессе, Ганс Арп, Вольфганг Борхерт, Пауль Целлан, Иоганнес Бобровский, Эрих Арендт, Гюнтер Айх, Гюнтер Грасс, Энциенсбергер, мн. др. совр. авторы; с английского — Уолт Уитмен, Карл Сэндберг. В переводах К. увидели свет отдельные сб. Х. Калау, Э.Фрида и Р. М. Рильке (1999).

Первое прозаическое произведение К., рассказ «**Лопата**», опубликовано в ж. «Простор» (1970. № 10). С конца 1990-х рассказы и отрывки из романа «**Сырая рукопись**» выходят в ж. «Техника — молодежи», «Чудеса и приключения», «Дружба народов». На немецком яз. вышли романы «Сырая рукопись» (1991) и «**Башмак Эмпедокла**» (1994). В предисл. к русскому изд. «Башмака Эмпедокла» (Лит. обозрение. 1997. № 4) Ю. В. Рождественский замечал: «Герою сочинения Вячеслава Куприянова является литератор. Поэт Померещенский — собирательный образ „известного“ писателя, который в своих произведениях руководствуется изменчивыми символами массовой информации... Текст Вячеслава Куприянова смешной, ироничный, но отнюдь не злой. Он представ-

ляет собой как бы историю современной литературы в кратком изложении ее сути». В. Липневич (Новый мир. 1998. № 6.) оценивает его так: «В тексте на околотературную тему в „несерьезной“, иронической форме, прихотливо играя символами культуры и реальности, Куприянов сумел схватить и очертить нечто достаточно серьезное и общезначимое — тип антикультурного существования в рамках культуры». Повесть «**Левая нога**» (Новая юность. 2004. № 2.) можно определить как безжалостную сатиру на совр. эрцессы массового искусства в условиях дурно понятой свободы. Повесть «**Затяжной прыжок**» с подзаголовком «Агент особой секретности» (Литрос: альм. 2004. № 5) — тотальная пародия, где у «агента» под пытками выясняют: «Зачем ты живешь на свете?»

С 2002 К. является членом редколлегии поэтической серии «„Из века в век“ — Славянская поэзия XX–XXI вв.», с его предисл. выходят антологии македонской (2002), сербской, белорусской и украинской (2004) поэзии.

К. как критик одним из первых поставил вопрос о влиянии средств массовой коммуникации на худож. лит-ру в статьях «**Поэзия в свете информационного взрыва**» (Вопр. лит-ры. 1974. № 10.), «**Небо и балаган**» (Поэзия: альм. 1976. № 18). В начале XXI в. К. публикует статьи в «Лит. газ.», выступая, в частности, с резкой критикой совр. состояния русской словесности: «**От имени прыщей: Как СМИ защищают русскую литературу**» (2002. № 28–29.), «**Рыночный реализм**» (2002. № 39.), «**К русской философии языка**» (2003. № 18.), «**Айгитация: Миф, придуманный „западными“ славистами**» (2004. № 24.) и др. В одном из интервью К. замечает: «И если цель деятеля культуры в сопротивлении культурному одичанию, то он как аутсайдер может рассчитывать на успех лишь в том, что его признают как аутайдера» (Юность. 2002. № 11.). Более оптимистично высказывается критик В. Липневич (Дружба народов. 2004. № 10.): «...тексты Куприянова стараяются утолить давно назревшую жажду повышенной духовности, философичности, тоску по нормальной, а значит, улыбочивой личности, склонной вдумчиво разбираться в сегодняшнем мире...»

Соч.: Стих. на русском яз.: От первого лица. М., 1981; Жизнь идет. М., 1982; Домашние задания. М., 1986; Эхо. М., 1988; На языке всех (на русском и английском). Лондон, 1992; Стихи. М., 1994; Дайте договорить. М., 2002; Лучшие времена: Избранная лирика. М.,

2003. Стих. в переводах на немецкий яз.: Трезвое эхо. Берлин, 1985; Риск доверия. Вальд, 1987; Как стать жирафом: на рус., нем. Вайссах им Таль, 1987, и др. изд.; Памятник неизвестному трусу. Мюнхен, 1990; Лупа железного времени. Вайссах им Таль, 1996; Телескоп времени: на рус., нем. Вайссах им Таль, 2003. Проза: Сырая рукопись: роман. Вайссах им Таль, 1991; Башмак Эмпедокла: роман. Вайссах им Таль, 1994; новая ред. романа: Простор. 2004. № 12; Узоры на бамбуковой циновке: рус., нем. Вайссах им Таль, 2001; Орден Полярной звезды: Повесть. М., 2001. Т. 19–20. (Библиотека русской фантастики).

Переводы: Хайнц Калау. Избранная лирика. М., 1982; Эрих Фрид. Избранная лирика. М., 1987; Райнер Мария Рильке. Стихотворения: Избранная лирика. М. 1999.

Лит.: Ульяшов П. Благословим движенье // Лит. газ. 1981. № 49; Сенкевич А. [Рец.] // Лит. обозрение. 1982. № 5. С. 77–78; Осетров Евг. [Рец.] // Новый мир. 1982. № 3; Липневич В. [Рец.] // Лит. Россия. 1983. 23 дек.; Степанян К. Путь к свету // Лит. Армения. 1986. № 6; Белололов В. Ода удивлению // Книжное обозрение. 1986. № 32. 8 авг.; Лободанов А. То, что незримо // Лит. газ. 1987. № 44; Урбан А. Сердечное умозрение // Лит. обозрение. 1987. № 9; Талантливому читателю: [интервью] // Московский комсомолец. 1987. 22 марта; Секрет вхождения в лит-ру: [интервью] // Юность. 2002. № 11; Дементьев В. От восхождения до закатозания // Москва. 2004. № 4. С. 225–227; Майсюк А. Геометрия бытия // Лит. Россия. 2004. № 33. 13 авг. Липневич В. Феномен Куприянова // Дружба народов. 2004. № 10. С. 209–212.

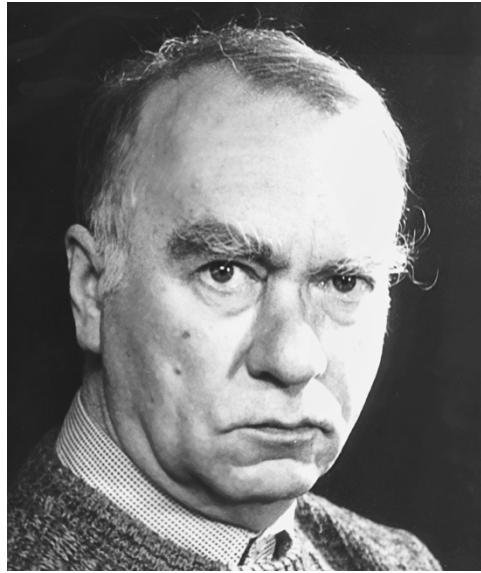
В. Р. Либеров

КУРАЕВ Михаил Николаевич [18.6.1939, Ленинград] — прозаик, сценарист.

Родился в семье гидростроителя, во время блокады Ленинграда в 1942 эвакуирован в Череповец, до и после войны жил в Заполярье, с 1954 — в Ленинграде. В 1961 окончил театроведческий ф-т Театрального ин-та, в 1961–88 работал в сценарном отделе «Ленфильма». Дипломная работа К. **«Произведения Чехова на экране»** опубликована в сб. «Лит-ра и кино» (1965). Чеховская тема вообще существенна для К. — не только как предмет специальных исследований, но и как недостижимо притягательная область писательских устремлений. Чехов обуздывает авторское своеволие К., «мешает» ему писать.

К. — автор сценариев 6 худож. фильмов: **«Пятая четверть»** (1969), **«Строгая мужская жизнь»** (1974), **«Крик гагары»** (1979), **«Прогулка, достойная мужчин»** (1984), **«Ожог»** (1988), **«Сократ»** (1990).

Однако известность принесло К. опубликование «фантастического повествования»

М. Н. Кураев

«Капитан Дикштейн» (Новый мир. 1987. № 9). С перерывами повесть создавалась 20 лет.

«Фантастичны» произведения К. в гоголевском смысле — с его заветом писать о золотых яблоках, но не о грушах на вербе. В философском плане все произведения К. вполне реалистичны; герои прозаика, стиль их отношения к жизни вызывают в памяти не гоголевских, а чеховских персонажей и следующих им персонажей прозы 1920–30 — Зоценко, Николая Баршева. К. разделяет печальный взгляд Чехова на человеческую жизнь как на «сюжет для небольшого рассказа», но пишет о достоинстве этого едва заметного существования. Маргинальное положение героев К. не мешает автору оценивать их как «несгибаемых гордецов» — даже в том описанном в «Капитане Дикштейне» случае, когда они отчуждаются от истории. Фабула этой повести по-чеховски скудна: ее герой, Игорь Иванович Дикштейн, встал утром с кровати, помыл бутылки из-под олифы, сдал их, выпил пива и, возвращаясь домой, умер от разрыва сердца прямо на улице 27 янв. 196... возле полуразрушенного гатчинского собора. И вот характерная для всей прозы К. странность. Чеховская интрига повлекла автора к разработке темы в гоголевском патетико-ироническом ключе. Гоголевские «мнимости» в XX в. наполнились вполне актуальным содержанием. Дикштейн, подобно Чичикову или Хлестакову, глядит оборотнем, он совсем не тот, за кого вынужден себя